

«Я помню начало войны...»
воспоминания ветерана Свердловского здравоохранения
Румянцевой Аллы Михайловны

А. М. Румянцева родилась в 17 мая 1935 года на территории современной Украины в семье военного. В начале войны мать Аллы Михайловны с двумя детьми была эвакуирована на Урал. Здесь Алла окончила школу, и позже, в 1960 году, педиатрический факультет Свердловского медицинского института. Более 50 лет Алла Михайловна проработала в здравоохранении. С 1977 по 1981 год занимала должность главного врача Свердловского областного дома санитарного просвещения. Отличник здравоохранения (1987), ветеран труда.

Михаил Андреевич Кувшинов с женой Татьяной Андреевной и дочерьми Аллой и Людмилой. Июнь 1941 г., Украина

Война. Страшная дата. Для большинства ныне живущих это было давно, а я помню. Наш детский словарный запас пополнился еще одним новым словом «война». А скоро мы узнали и значение этого слова.

В 1941 году воинская часть, где служил наш папа, стояла около станции Белокоровица Житомирской области.

На территории части жили и семьи комсостава.

Мои родители имели уже двоих детей (мне было тогда 6 лет, сестре - 4 года), но их брак не был зарегистрирован официально и держался на доверии, уважении и любви. За три дня до начала войны папа приехал на машине и срочно увез нас прямо из песочницы в ЗАГС, где их с мамой сразу расписали. «Посвидка по шлюб» (свидетельство о браке) от 18 июня 1941 г. хранилась все годы у мамы, а сейчас - у сестры. А к вечеру личный состав части был передислоцирован к границе «на учения» (так сказал папа).

22 июня была первая бомбежка. Этот вой или визг или рев падающей бомбы и потом взрыв забыть невозможно, не получается, не смогла. «ВОЙНА». Все стало по-другому, все плакали, собирали вещи, слушали черный диск радио.

Фронт прошел по железной дороге через Шепетовку на Житомир, Киев. И мы оказались в окружении, но немцев у нас не было.

Через три дня часть, отступая, вернулась. Нас погрузили в грузовые машины, их было шесть (они назывались в то время полуторки). В каждую машину дали солдата и на всех одного офицера. Они помогали нашим мамам во всем. Ехали ночами, днем прятались в лесах. А немцы бомбили и стреляли из пулеметов. Во время налетов нас быстро высаживали в одну сторону от дороги, а на другую сторону разбрасывали тряпки, по которым и «строчили» из пулеметов.

Убитых я не видела, а вот маленькие круглые дырки от пуль на простынях, от пуль, предназначенных нам, я запомнила на всю жизнь. Мы в одночасье стали взрослее, даже плакать перестали.

Пожары, разрушенные дома и дороги, сгоревшие черные деревни, трубы, развалины, плач детей и взрослых. Этого никогда не забыть.

Через 6 дней мы приехали в Куйбышев. Там не было войны, не стреляли. Мы так и не поняли, где и как мы пересекли линию фронта? Как удалось этому лейтенанту провести колонну машин по занятой немцами территории под огнем и бомбежками? Мама говорила, что офицер и солдаты (наши спасители) были очень молодые, но они смогли...

Вместе с нами ехали две женщины. Одна из них, тетя Маша, была из детского дома, и ехать ей было просто некуда, да и к тому же она была беременная. Вторая - тетя Мария была без детей, но ее родители жили где-то около граница и уже погибли.

На какой-то станции состав остановился, и по радио объявили, что будем стоять 45 минут, а полевая кухня раздает суп или кашу и хлеб. Мама хотела меня отправить с т. Марией, чтобы мы там поели и им принесли в вагон. Из посуды у нас было два или три солдатских котелка. Но я раскапризничалась, не хотела идти. Мама меня нашлепала и посадила на третью полку (под потолок вагона) между узлами и чемоданами. Тетя Мария ушла одна, а минут через 15 состав тронулся и пошел... Крики, рыдания, плач детей слышу до сих пор. Тогда многие отстали от нашего состава и навсегда потеряли своих близких. Остались дети без мам, матери без детей. За продуктами бегали подростки 12-15 лет. Ехали долго. Состав мог сутками стоять на какой-нибудь маленькой станции или всю ночь шел без остановок. Уже шли составы с ранеными, было видно в окно, если поезд стоял. Их пропускали вперед.

Нас привезли в Челябинск 29 июля. На какой-то машине мы доехали до деревни Нижняя Каменского района, там уже мама пешком (5-6 км) пошла к родным в деревню Чайкину. Потом бабушка с мамой забрали нас и вещи и увезли на подводе.

Папа писал бабушке, что мы уехали по занятой немцами территории и скорее всего не сможем спастись или нас угнали в плен. Но нам повезло.

Второе письмо от папы мы получили уже в сентябре 1941 года. Папа узнал, что мы живы и здоровы, и теперь они спокойно будут «бить врага». Писем больше не было.

А тетя Мария как-то шла на Урал из одной деревни в другую. Она шла в легком платье (в нем она сошла в июне с поезда), у нее не было ни денег, ни документов, ни теплой одежды. К нам она случайно зашла уже в октябре измученная, уставшая, больная и одетая в такие лохмотьях, что сейчас и представить нельзя. Нас она не узнала. Она ничего не говорила и только жадно смотрела на стол, где дымилась миска с картошкой и стояла крынка молока.

Мама накормила ее, и она уже собралась уходить. И тут каким-то чудом мама сумела узнать в тех лохмотьях ее платье (хотя и платьем его уже нельзя было назвать). Мама назвала тетю Марию по имени, и она упала в обморок. Ее потом долго лечили в участковой больнице, мама там работала. Но от тети Марии прежней мало что осталось. Она все время молчала и смотрела в одну точку, хотя вела себя правильно. В конце войны тетя Мария уехала в г. Казань к родителям мужа. Они уже получили похоронку на единственного сына, внуков у них не было. Она была единственной ниточкой, связывающей их с погибшим сыном.

Жили мы бедно, но дружно. Старались помогать друг другу. Жители деревни помогали нам, чем могли, хотя сами жили за счет собственных огородов. Ели крапиву, лебеду, дикий щавель, потом грибы, ягоды.

Письма с фронта читали вслух всей деревней, чаще стали приходиться похоронки. И так долгих пять лет.

А в школу я пошла только в 9 лет, т.к. не было одежды и обуви. Зимой голодали. Писали мы в школе на газетах и клочках бумаги. Чернила делали из сажи и свеклы. Учебников почти не было (3-4 штуки на весь класс). На память заучивали все, что рассказывали учителя и взрослые дома.

Письма с фронта читали вслух всей деревней, чаще стали приходиться похоронки. И так долгих пять лет.

Но все когда-то кончается. День был весенний, по радио передали - Победа!!! Все радовались, поздравляли друг друга и плакали. Казалось, все будет хорошо уже сегодня, сейчас. Но оставались продуктовые карточки, голод, трудная жизнь на долгие послевоенные годы.

Надо жить, учиться, работать и помнить для того, чтобы наши дети, внуки и правнуки. Очень хочется, чтобы все были здоровы и счастливы, чтобы больше не было войны.

А. М. Румянцева (Кувшинова)

Благодарим Е. В. Сабурову за помощь в подготовке материала.